

13 СЕН 1979

Интервью

...Я говорю: «До новых встреч»

В рамках Дней румынской культуры в СССР, приуроченных к 35-летию освобождения Румынии от фашистского ига, среди разнообразных и многочисленных мероприятий центральное место заняли гастроли Национального театра имени Й.-А. Караджале из Бухареста. Наш корреспондент встретился с директором и художественным руководителем этого коллектива, президентом Международного института театра, народным артистом СРР, профессором Раду БЕЛИГАНОМ и попросил его ответить на ряд вопросов.

— Национальному театру имени Караджале в скором времени исполнится 130 лет. Что можно сказать об основных художественных традициях этого ведущего театра вашей страны и его художественном кредо?

— Наш театр, возникший в годы мощного революционного подъема, в самый разгар борьбы румынского народа за независимость, стал школой национального самосознания и идеалов свободы. Естественно поэтому, что он всегда шел в ногу с политической борьбой. Отсюда — тот обличительный пафос и сатирическая традиция, которые стали определять основное направление нашего сценического искусства. Другая особенность румынского театра — тот парадоксальный факт, что театр у нас родился раньше, чем сформировались национальная драматургия и литературный язык. Поэтому театр обязан был стать школой румынской литературы и языка... До сих пор, когда двое людей спорят о том, как произнести какое-нибудь слово, кто-то один непременно скажет: «Пойдем-ка в театр, там послушаем...».

Значительный качественный скачок румынского театрального искусства сделало в годы социализма, когда наши сценические идеалы стали находить свое воплощение в действительности. Сегодня мы ставим Чехова и Арбузова, Гольдони и Шекспи-

ра, современных западных драматургов, в наших планах постановка пьес Вампилова, очень заинтересовал нас Гальман. Высокая трагедия в нашем репертуаре свободно уживается с фарсом: для театра важен не какой-то определенный, изблуженный жанр. Важно, чтобы произведение было подлинно и открыто гуманистичным. Я бы определил стиль нашего театра, как «стиль поэтической правды».

— Иными словами, ваш театр не требует от постановщиков какой-то определенной, «своей», свойственной только этому коллективу формы спектакля?

— Безусловно. Лично я, как режиссер, всегда иду «от актера» и получается так называемый «актерский спектакль». Режиссерское самотворчество и хитроумные постановочные ходы мне чужды. Все-таки центр спектакля — это актер.

— Кого бы вы могли пригласить в свою труппу из советских актеров, не устраивая «конкурсного просмотра»?

— Смоктуновского и Ульянова.

— В последнее время на сценах часто экспериментируют с классикой. Классика «пересмысливается», «современизируется»... Как вы относитесь к подобным новациям?

— Резко отрицательно. Все это — от отсутствия режиссерской культуры. Глубокое зна-

ние и любовь к автору-классику не заставят постановщика заниматься этим... скоморошеством. Надо не модернизировать, а искать новов в великих произведениях прошлого. Я сорок лет занимался «Патерянным письмом» Караджале, и при создании новой постановки этой пьесы для меня самым большим трудом было забыть все, что я знал о ней. Надо было на минутку стать ребенком, который впервые взял в руки этот текст. И когда это получилось, я вдруг увидел в пьесе совершенно новые для себя глубины. Я убежден, что любое произведение великого драматурга можно полностью прочитать бесчисленное количество раз, не прибегая к «новациям». Классика неисчерпаема!

— С 1971 года вы возглавляете Международный институт театра. Какова в целом общая тенденция европейской сцены сегодня?

— Сейчас, после многих лет каких-то странных увлечений внешними атрибутами спектакля, в театрах большинства стран вновь приобретает ценность слово. В спектакле начинает главенствовать текст, и это справедливо.

— Как оцениваете вы нынешние гастроли в Советском Союзе?

— Каждый приезд нашего театра в СССР — большое событие в творческой жизни коллектива. Думается, я не ошибусь, если скажу, что здесь у нас имеются постоянные друзья и зрители. Об этом свидетельствует исключительно теплый прием зала. Поэтому я не говорю «прощайте», я говорю «до новых встреч».